

Я решительный сторонник деликатных подходов к проблемам

На днях состоялось заседание Правительства РФ, посвященное строительству и реконструкции учреждений культуры.

Основным докладчиком по этому вопросу был, как нетрудно догадаться, министр культуры РФ Владимир ЕГОРОВ.

В своей речи он коснулся и других проблем министерства. О них мы и просили его рассказать читателям нашей газеты.

— Один из самых острых вопросов, которые сейчас разрешает министерство, — организация музея современного российского искусства. Каким проектам вы готовы отдать предпочтение и чем при этом руководствуетесь?

— Я был бы очень рад увидеть хоть один проект. Пока я знаю только, что музей пытается организовать Зураб Церетели. Есть еще одна давняя идея, рожденная в советские времена, — организовать такой музей в помещении Провиантских складов у метро "Парк культуры", это пытается осуществить Государственный Центр современного искусства под руководством Леонида Бажанова. Других проектов я не знаю. Но, как мне кажется, музей современного искусства в Москве все же существует. Я имею в виду новую экспозицию "Искусство XX века", открытую в прошлом году в Третьяковской галерее. Там выставлены разные произведения, в том числе русский авангард, который является мировым достоянием. Сейчас Третьяковка завершает работу над другой частью этой экспозиции, где будут представлены 60–80-е годы. Этому будут отданы огромные площади, там можно будет увидеть разные течения, проследить разные эстетические поиски. Работ 90-х годов там, правда, не будет, поскольку галерея очень строго формирует свои фонды и берет в них только то, что уже прошло проверку временем. Но я консультировался со многими специалистами, в том числе такими авторитетными, как Ирина Александровна Антонова, и все они в один голос утверждали, что это один из лучших музеев современного искусства в мире. Это, однако, не исключает возможности и необходимости открытия в Москве и других подобных музеев. Но надо видеть проекты, концепции. Проблема с Провиантскими складами очень тяжелая и, как я уже сказал, давняя. Эти помещения заняты Министерством обороны, там располагаются разные службы, а кроме того, живут семьи офицеров. Их надо куда-то переселять. Это не вопрос политического решения, а прежде всего финансовая проблема. За решение этих вопросов взялась Москва. Насколько я знаю, сейчас уже найден приемлемый для обеих сторон вариант решения. Я написал письмо Ю.М.Лужкову, где просил его обратить внимание на то, что еще Министерство культуры СССР планировало разместить в этих помещениях музей современного искусства. Потом мы вместе с Бажановым ездили в Москомархитектуру, говорили с главным архитектором Москвы А.Кузьминым о возможности разместить там музей. И хотя официального ответа от столичных властей я еще не имею, но, по моей информации, мэрия и правительство города к этой идее относятся сочувственно. Пытались мы решить проблему музея и другим способом. Когда московские власти предоставили площади для музея, который создает Зураб Церетели, я предложил ему взаимодействовать с другими организациями, заинтересованными в создании музея современного искусства, — это уже упоминавшийся Центр Бажанова и отдел музея "Царицыно", возглавляемый Андреем Ерофеевым. Мы считали разумным объединить их усилия и создать совместный музей. Зураб Константинович на эти переговоры согласился, хотя и предупредил, что не верит в их успешное завершение. Он думал, что найти общий язык и мирно сожительствовать им не удастся. У меня же были иллюзии на этот счет. К сожалению, прав оказался Церетели. Г-н Бажанов недавно выступил в газете с очень странным вопросом: "С кем вы, министр культуры: с Центром или с Церетели?". Для меня такая формулировка в принципе неприемлема. Она претит моим представлениям о том, какова должна быть роль министерства и министра в культурной политике государства. Я не хочу быть ни с Церетели, ни с Бажановым, ни с Ерофеевым. Я хочу, чтобы художники имели возможность выставлять свои работы и чтобы, наконец, открылся музей современного российского искусства. Но, как вы понимаете, возможности наши очень ограничены, площадями свободными мы не располагаем, поэтому надо собраться всем вместе и подумать, что можно сделать. А свои разногласия надо решать как-то более спокойно. И не надо требовать, чтобы Министерство культуры выполняло функции арбитражного суда. Я считаю категорически невозможным использовать свое право распоряжаться бюджетными средствами для насаждения собственных эстетических предпочтений. Отдать эти, кстати, очень небольшие деньги одной организации в ущерб другой мы не имеем права.

— Здесь есть одна странность: Бажанов и Ерофеев представляют государственные организации. Кроме того, известно, что находится в их коллекциях, что они намерены выставлять. Церетели в данном случае никакой государственной организации не представляет, и, что есть в его собрании, никому неизвестно. Тем не менее они все фигурируют на равных.

— Какая коллекция у Церетели, я действительно не знаю. До этой стадии наши переговоры пока не дошли, но его вклад в создание музея может быть и иным: он располагает помещениями, разными возможностями, вокруг него множество художников... А что касается негосударственного статуса его организации — это меня совершенно не смущает. Государственная организация может объединяться на определенных основаниях с кем угодно. Слава Богу, мы пршли тот этап, когда все принадлежало одному только государству.

— В развитие музейной тематики: как сейчас складываются отношения Министерства культуры и церкви?

— Здесь, к сожалению, по-прежнему случаются конфликты. Они имеют одну неприятную особенность — противостоящие стороны хотят обязательно выиграть. И почему-то никто из них не хочет подумать, что мы работаем на поле культуры, а не в футбол играем. Здесь совсем не обязательно выигрывать кому-то одному. Могут выиграть и все. Есть представители церкви — образованные, культурные люди, которые утверждают, что все, созданное когда-то в лоне церкви — иконы, обрядовые предметы, — предназначено только для богослужения и музеефикации ни при каких обстоятельствах не подлежит. Среди музейщиков тоже встречаются некоторые радикалы, они уверены, что все вещи, находящиеся в фондах, — есть только культурное достояние, и церковь к ним отношения иметь не должна. Такие люди, как правило, очень шумно себя ведут и поэтому очень заметны. Но большинство и среди религиозных деятелей, и в среде музейных работников — люди нормальные и склонные к взвешенным решениям. Они понимают, что эту проблему нельзя рассматривать односторонне, здесь у всех своя правда. Так распорядилась история, и не нам ее судить. Необходимо в каждом отдельном случае искать компромиссы.

(Окончание на 2-й стр.)